

Северная элегия

Дикий ветер рыскает во фьордах,
тычется в просветы между скал,
а на их замшелых, битых мордах
то улыбка брезжит, то оскал.

Облачко, упавшее с востока,
словно флаг на шпиле маяка.
Маяку теперь не одиноко
на твоём краю материка.

Ты стоишь, где мёдом пахнет вереск,
где виднее первая звезда.

Ты поёшь о том, во что не веришь,
и чему не сбыться никогда.

Дикий ветер в космос улетает,
вырывая вереск из земли,
флаг над маяком дрожит и тает,
и бегут на запад корабли.

Почему горит твоё сердечко,
и над кем в ночи парит ладонь,
знает только тающая свечка
да снежок, летящий на огонь.

* * *

Мы живём на одном полушарии.	согреваем в карманах лето,
Мы летим на одну звезду.	подбираем мотив скворцу...
Гладим ёжиков слепошарых,	Мы на разных боках планеты
заплутавших в ночном саду.	засыпаем — лицом к лицу.
Созываем на ужин чаек,	Просыпаемся — вновь не с теми...
чертим карты для мотыльков,	Ах, на счастье иль на беду
неизвестно кого встречаем	бестолковое наше время
на асфальте в тени веков,	заплутало в ночном саду?

* * *

Пресвятая Богородица Колымская, Дева Пречистая
на горбатой фанерке плакатной гуашью писана.
Просто Гришке-богомасу, лагерному художнику
для наглядной агитации больше ничего не положено.

Невеликая беда, что от сырости краска лущится.
Гришка заново напишет — и печальней, и строже получится.
И на лик золотой заглядятся, надеждой охвачены,
и вчерашний комиссар, и мужик, дотла раскулаченный.

«Богородица Колымская приговор отменит несправедный,
вразумит Пречистая глупых мальчишек-охранников,
покарает иуд с палачами — нету креста на них!
Всё расскажет про нас дорогому товарищу Сталину...»

* * *

Слушая звуки российской окраины,
дикого моря, горбатой земли,
вышел он — тощий, работой исправленный,
шиш в чемодане, душа на мели.

Вроде безгрешен, а всё не отвяжутся
в суетной дрёме вокзальных ночей
гул лесопилки, брань трехэтажная,
окрик охранника, гром кирзачей...

Господи! Что же теперь — подневольному
век доживать, коли раз согрешил?
В тамбуре — тесно. Горька «беломорина».
Плюнул — и спрыгнул в безвестной глуши.

И закружились под тучами рваными,
затрепетали в дорожной пыли
вольные звуки российской окраины,
дикого моря, горбатой земли.

Родина! Что за проклятье наложено
на безответных твоих сыновей —
слушать в неволе дыханье тревожное
вольных просторов и вольных морей?

Снег ли плывёт над озябшею пожнею,
солнце ли плавит асфальт в городах —
рвётся из горла дыханье тревожное,
сдавленным криком кипит на губах.

Где ж она — воля?! Мы все не безгрешные,
все отбываем пожизненный срок.
Лишь долетают ночами крошечными
вольные звуки — будто в острог.

* * *

А.

На берегу Байкала,
в тени отвесных скал,
волна меня толкала
и ветерок ласкал.

Глаза — как два Байкала,
черны и глубоки.
Она меня ласкала
касанием щеки.

Как золотая чаша,
плыла в воде луна.
И улыбалась Саша,
как ветерок нежна.

Попутчица — и только,
пушинка на ветру...
Но отчего ж так горько
прощаться поутру?

Дымок смолисто-сладкий
струился от костра.
Прижались мы украдкой
друг к другу до утра.

Пока рокочут струны
и рушатся миры,
мы так беспечно юны,
так старчески мудры!

* * *

Легла дорога на восток.
Довольный собственной судьбою,
ты обернулся — за тобою
летел берёзовый листок.
Ты понял: осень налетела,
берёза дома пожелтела...
Но некогда. Вперёд, скорей!
Вдруг камушек попал в ботинок.
Ты сел и вздрогнул — паутина
приклеилась к щеке твоей.

Ты вспомнил: осень налетела,
и мама дома поседела...
Но некогда. Вперёд, вперёд!
Там загораются рассветы,
там прорываются ракеты
сквозь небо, серое, как лёд.
И вдруг споткнулся! Пыль взвилась
над злостью, болью. Встал, шатаясь.
Пошёл... Колдобина осталась,
где с домом связь оборвалась.

* * *

Когда над странами Магриба
звезда плакучая встаёт,
всплывают каменные рыбы
из глубины сибирских вод,

он вышел в круг — в крови копыта,
пошёл впрыскаду под гармонь,
о том, что сердце не разбито,
а брошено раздуть огонь,

в кальдерах западной Камчатки,
на стыке пламени и льда,
грызёт свои же отпечатки
термитов белая орда,

что перед вечностью убогой
никто не в силах уберечь
то, что даровано дорогой,
и не об этом вовсе речь,

а за киоском «Пиво-воды»,
где чахлый скверик и уют,
ехидны водят хороводы
и птеродактили поют,

а лишь о том, что серой глыбой
нависла ночь, и навсегда
взошла над странами Магриба
твоя плакучая звезда,

там плачут девы, ржут мустанги,
там под беспечный звон гитар
испить святой водицы в Ганге
собрался юноша-кентавр,

её пророчества — обманны,
её душа — белым-черна,
неуловима и желанна,
и тихой нежностью полна.

* * *

Такое небо снится по ночам,
что ты кричишь, себя не узнавая.
А рядом — море бьётся о причал,
созвездья на плечах вздымая.

И ты один. Впечатавшись в песок,
стоишь с такою ясностью во взоре,
что горизонта нет — и небо с морем
смыкаются у самых ног.

* * *

Усталое облако прямо на сопку легло.
Над розовой бухтой — прозрачная дрожь паутины.
Качается лодка, и к ночи у чайки крыло
немеет от долгой путины...

Мы вместе сегодня. Мы слушаем эхо глубин —
скольжение медузы, пугливую крабью охоту
и щебет дельфинов, и жалобный писк субмарин,
и храп кашалота.

Качается лодка. Качаясь, уходит луна
за гребень скалы и оттуда глядит осторожно.
Любимая, что же ладошка твоя солона
и сердце стучит так тревожно?

Мы вместе сегодня — и горстку закатных минут
у нас не отнимут до смерти ни бесы, ни боги.
Послушай, как весело рыбы под нами поют,
и в бубны стучат осьминоги!

Взгляни на созвездья, которых давно уже нет,
не их ли огонь разгорается в нас понемногу?
Качается лодка. Сияет божественный свет.
И тянет в дорогу...

* * *

Чудна моя жизнь в этом теле, чудна и бедова,
не то, чтобы в тягость, а крылья расправишь — тесна...
Так в детстве бывает: под вечер примеришь обнову,
а утром наденешь — уже не по росту она.

Проснуться бы заново — где-то в ином измеренье,
где небо просторно и зыбко, земля солона,
где каждая речка вливается в стихотворенье,
и жизнь непонятна — как тело твоё — и чудна.

* * *

Зима садится, торжествуя,
На землю задом ледяным.
Мне странно, что ещё живу я
И из ушей пускаю дым.
Мне удивительно упрямото,
С которым прямо подо мной
Кружится в сумрачном пространстве
Зеленокудрый шар земной.
А где-то в сутолоке снежной,
В рассветной зябкой тишине,

Любимая ладонью нежной
Ерошит память обо мне.
Ей хорошо — как на пружинке
Держать меня перед окном,
Крошить серебряные льдинки
В бокал с сиреневым вином.
С зимою ей одной не сладить.
И потому — тоской гоним —
Я топаю, как на параде,
И из ушей пускаю дым.

* * *

Качает ветер лодочку
на ласковой волне.
Как весело под водочку
плывётся нынче мне!

Земля, быть может, круглая —
да плоская вода...
Вы спросите: умру ли я?
Да что вы! Никогда!

Как здорово под водочку
и под бакланий ор
ловить треску-селедочку
и рыбу пинагор.

Пока плыву на лодочке
в неведомый простор.
Пока клюет селедочка
и рыба пинагор,

Залив дрожит и светится,
вдали блестит причал.
Земля, возможно, вертится,
но я — не замечал.

Пока хохочет солнышко
и прыгает волна,
и лижет лодку в доньшко
така-ая глубина!